

Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах*

Елена Тыканова

Кандидат социологических наук, заведующая сектором социоурбанистики; старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005 Российская Федерация
E-mail: elenatykanova@gmail.com

Ирина Шевцова

Кандидат политических наук, доцент, департамент политологии и международных отношений,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург;
старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
Адрес: ул. Союза Печатников, 16, Санкт-Петербург, 190121 Российская Федерация
E-mail: ishevtsova@hse.ru

Анна Желнина

Кандидат социологических наук, PhD in Sociology, независимый исследователь
Адрес: просп. Королева, 24, Санкт-Петербург, 197349 Российская Федерация
E-mail: azhelnina@gmail.com

Взаимодействия власти и активистов — распространенный сюжет в исследованиях общественных движений. При этом власти зачастую рассматриваются как «монолит» и изучаются как адресат действий активистов, влияющий на исход городского конфликта. Вместе с тем представители власти часто демонстрируют различные интересы и разную степень вовлеченности в решении городских конфликтов. Анализ массива данных о динамике городских конфликтов в российских городах-миллионниках показал, что ключевые чиновники исполнительной власти регионов и городов (губернаторы, вице-губернаторы и мэры) предпринимают попытки разрешить городской конфликт реже, чем местные или региональные депутаты. Опираясь на социологическую традицию изучения коалиций общественных движений (Van Dyke; Diani; Sterns and Almeida; Jasper and Duuvendak), в данной статье мы анализируем причины, по которым ключевые чиновники исполнительной власти принимают решение поддержать активистов в городском конфликте в контексте централизованного государства. Исследование базируется на материалах 97 полуструктурированных интервью с участниками градозащитных и экологических локальных конфликтов, а также экспертами в пяти городах-миллионниках: Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде и Казани. Мы рассматриваем случаи поддержки активистов чиновниками как примеры коалиций типа «публичная власть — социальное движение» (state actor-social movement): в рамках таких коалиций чиновники предоставляют свои организационные ресурсы и влияние для достижения целей общественного движения. В результате анализа авторы выделили шесть причин, по которым губернаторы, вице-губернаторы и мэры городов могут поддержать активистов: (1) общественный резонанс, созданный активистами вокруг символически значимого объекта; (2) изменения в экономической и политической конъюнктуре; (3) угроза санкций или вмешательство со стороны федеральных чиновников; (4) близость выборов и/или необходимость поддержать политическую репутацию; (5) использование городских конфликтов для аппаратной борьбы; (6) эмоции и симпатии представителей исполнительной власти.

Ключевые слова: городские локальные конфликты, активисты, чиновники, коалиции

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054-П) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Листая российские новости, можно встретить множество заголовков о том, как собирательные «власти» поддерживают застройщиков, обжалуют требования, усиливают контроль и объединяют усилия, например: «Власти поддержат застройщиков в решении актуальных вопросов» (Самсонова, 2022), «Новороссийские общественники и городские власти объединят усилия на “Территории неравнодушных”»¹, «Ростовские власти обжалуют требование отремонтировать теплотрассы» (Мельникова, 2023). Собирательное понятие «власть» может обозначать региональных и городских чиновников, сотрудников районных администраций или любых других представителей государственных органов. «Власти» также часто фигурируют в описаниях городских конфликтов — как монолитный актер, выступающий арбитром в спорах, или как поддерживающий одну из сторон союзник. В данной статье мы покажем, что собирательные «власти» не монолитны, а состоят из множества отдельных игроков, которые могут конкурировать друг с другом и руководствоваться разными целями. Включение таких игроков в городские конфликты может быть связано с их политическими задачами, конкуренцией между разными ведомствами, а также с личными убеждениями отдельных чиновников.

В исследованиях городских общественных движений «власти» часто выступают контрагентом активистов и инициативных групп: активисты обращаются к ним как к арбитру в разрешении споров с застройщиками. «Власти» также задают правила игры, создают арены, на которых активисты могут разворачивать свои кампании, например, организуют референдумы, публичные слушания и прочие формальные площадки (Желнина, Тыканова, 2021). В литературе о российских городских конфликтах описана роль разных представителей власти: местных и региональных депутатов, губернаторов, глав городов и пр. (Клеман, Мирясова, Демидов, 2010; Гладарев, 2011; Медведев, 2017; Тыканова, Хохлова, 2014; Шевцова, Бедерсон, 2017; Желнина, Тыканова, 2021).

Случаи, когда чиновники поддерживают активистов, в российских реалиях встречаются не очень часто: в 30% городских конфликтов органы публичной власти разного уровня на том или ином этапе развития конфликта встают на сторону активистов (Семенов, Минаева, 2021). Опираясь на большую уникальную базу качественных интервью участников городских конфликтов в пяти российских городах-миллионниках, а также на интервью с экспертами, мы в данной статье рассмотрим немногочисленные случаи сотрудничества и поддержки активистов чиновниками от исполнительной власти (регионального и городского уровней), проанализируем причины формирования таких альянсов.

Выше мы отмечали, что «власти» не являются монолитом, и мотивации и стратегии разных представителей государственных институтов, например, губернаторов, мэров и депутатов, различаются и могут влиять на их склонность сотрудни-

1. Официальный сайт администрации и городской думы муниципального образования «Город-герой Новороссийск». Новороссийские общественники и городские власти объединят усилия на «Территории неравнодушных». URL: <https://admnvrsk.ru/o-gorode/novosti/glavnye-novosti/news-04082022095507-111506/> (дата доступа: 28.03.2023).

чать с протестными и другими активистскими инициативами. В данной статье мы фокусируемся на причинах и стратегических соображениях, которые привлекают на сторону активистов ключевых представителей исполнительной власти (мэров, губернаторов, заместителей губернаторов).

Причина внимания именно к альянсам чиновников и активистов заключается в относительной редкости и стратегической сложности таких случаев. Эмпирически мы наблюдаем, что главы исполнительной власти в городах и регионах поддерживают активистов гораздо реже, чем депутаты местных или региональных legislatures. По сравнению с депутатами, руководители городского и регионального уровней имеют меньше очевидных стимулов для вмешательства в городские конфликты. Политические выгоды от решения городского конфликта в масштабах города и тем более региона не так значимы, как в масштабах небольшого депутатского округа, где решение одного спора в пользу граждан может оказать влияние на электоральный результат. Более того, в условиях, когда любая социальная активность в российских городах оценивается вышестоящими властями как признак нестабильности, публичная поддержка активистов может нести для чиновников репутационные риски.

В то же время вовлечение губернатора, вице-губернатора или мэра в разрешение городского конфликта на стороне активистов существенно повышает шансы общественных инициатив на достижение желаемого результата. Этот эффект заметнее, чем в случаях, когда активисты сотрудничают с депутатами. Тем интереснее задача проанализировать причины таких нечастых, но эффективных альянсов. Такие коалиции изучены социальными учеными на примерах конфликтов, возникающих преимущественно в демократическом политическом поле. Мы ставим перед собой задачу изучить причины формирования коалиций активистов и чиновников в постсоветской России. Тем самым мы делаем попытку заполнить лагуну проведения подобных исследований в контексте режимов с ограниченной конкуренцией.

Коалиции в исследованиях общественных движений

Случаи поддержки активистов губернаторами, вице-губернаторами и мэрами можно рассмотреть как пример формирования альянсов и коалиций. В исследованиях общественных движений это одна из самых популярных тем, хотя специфические условия и сценарии альянсов активистов и чиновников изучены гораздо меньше. Тем не менее из широкого пула исследований альянсов и коалиций мы можем почерпнуть ряд полезных инструментов для анализа выбранных нами случаев: в частности, анализ рисков и выгод, связанных с формированием альянсов с сильными игроками («powerful allies dilemma»), а также классификации коалиций по их интенсивности и составу.

Кооперация общественных движений с другими игроками (другими движениями, организациями, индивидуальными политиками и т.п.) может выглядеть

по-разному. Иногда мы наблюдаем формирование сетей (networks) разной степени плотности и активности, а иногда игроки полностью сливаются между собой (mergers) (McCammon, Moon, 2014). Порой такие союзы могут быть достаточно консолидированы и действуют как единый игрок, принимая совместные решения и придерживаясь единой стратегии, но могут быть и более гибкими (Jasper, 2004: 5). Коалиции не всегда приводят к формированию единых консолидированных игроков. Иногда они носят инструментальный и временный характер и ориентированы на достижение ряда конкретных целей, не всегда крупных и отражающих центральную повестку каждого из включенных игроков (Diani, 2015). Коалиции и альянсы могут быть динамичны и ситуативны, формироваться вокруг конкретного события или мероприятия (Van Dyke, Amos, 2017; Portos, Carvalho, 2022) и распадаться после его окончания. Однако возможен и другой сценарий, когда коалиции закреплены сильными связями, постоянным взаимодействием и даже полным слиянием игроков в рамках одной организационной структуры (McCammon, Moon, 2014).

М. Брукер и Д. Мэйер предлагают классификацию возможных коалиций с участием общественных движений на основании их плотности, долгосрочности и состава. В частности, альянсы могут быть организованы вокруг одного протеста (event-based coalitions), быть долгосрочными или ограниченными по времени (longer-term cooperation, limited duration alliances), (не)иметь централизованную координирующую организацию и официально объявленных членов (formal and informal coalitions). Активисты могут формировать коалиции внутри одного движения (например, приверженцы более и менее агрессивных тактик) (within-movement coalitions); разные общественные движения со сходными целями (cross-movement coalitions); группы, объединенные на основе идентичностей — расовых, гендерных, этнических и т.п. (identity group coalitions, panethnic coalitions, intersectional coalitions) (Brooker, Meyer, 2018).

Как полноценные слияния, так и временные коалиции в сетевом формате помогают игрокам объединить ресурсы и максимизировать влияние для достижения общих целей. Координация усилий и создание альянсов позволяет игрокам, цели которых более или менее совпадают, повысить общие шансы на осуществление политического влияния.

При всех потенциальных выгодах, которые могут получить игроки, вступая в коалиции, такие ситуации связаны с набором рисков и потенциальных негативных последствий. Например, общественное движение, вступая в альянс с более сильным и ресурсным партнером, может нести ряд издержек: потерю автономии (если сильный союзник навязывает свои цели и задачи), изменение в стратегии и тактике, а также необходимость идти на вынужденные компромиссы (Van Dyke, Amos, 2017). Поэтому вступление в коалиции для общественных движений — это всегда стратегический выбор, дилемма. Принимая решение, игроки взвешивают потенциальные приобретения и риски, обдумывают вероятные компромиссы и жертвы (Jasper, 2008; Jasper et al., 2022).

Например, одна из дилемм, с которой сталкиваются игроки на политическом поле, в том числе активисты общественных движений, — это «дилемма расширения» (extension dilemma) (Jasper, 2004: 7-8). Привлекая новых участников и увеличивая состав движения, активисты увеличивают как свою легитимность в глазах других участников политического процесса, так и количество и разнообразие доступных ресурсов (участники привносят свою экспертизу, энтузиазм, деньги и время). Однако для более широкого состава участников иногда приходится переформулировать задачи движения, пересматривать тактики и уделять больше внимания и сил координации действий большого количества людей (Jasper, 2004: 7-8).

В конечном итоге формирование коалиций и альянсов — это всегда мера, призванная приблизить достижение цели, которую разделяют потенциальные союзники. Объединение усилий позволяет им расширить мобилизацию и оказать более осязаемое политическое давление, например, привести к изменениям в законодательстве (Van Dyke, Amos, 2017). Социологи общественных движений сходятся во мнении, что формирование коалиций — лишь один из возможных способов максимизации политического влияния. Более того, совместная деятельность общественных движений может приводить и к неожиданным, непредвиденным последствиям (McCammon, Moon, 2014).

Коалиции общественных движений и чиновников — сравнительно малоизученный феномен. Чиновники и другие государственные игроки (state actors) располагают большими организационными ресурсами и рычагами влияния, которые могут существенно повлиять на исход спорной ситуации. Такой тип коалиций заслуживает отдельного внимания и известен в литературе как коалиции формата «публичные власти — социальное движение» (state actor-social movement coalitions, или SASM-coalitions) (Stearns, Almeida, 2004).

Альянсы представителей публичной власти и общественных движений

Государственные органы часто выступают целевой аудиторией (target) деятельности общественных движений: активисты направляют свои усилия именно на них, пытаясь убедить облеченных публичной властью игроков выбрать желаемый политический курс, принять новые законы, перераспределить бюджетные средства в соответствии с приоритетами активистов, а также отменить/поддержать/видоизменить тот или иной проект трансформации городского пространства. Однако государство не является ни монолитом, ни нейтральным наблюдателем: разные структуры и организации, из которых состоит государство, а также индивидуальные политические деятели и чиновники могут иметь свои задачи, стратегии и приоритеты (Scott, 1998; Duyvendak, Jasper, 2015). Нередко задачи и приоритеты разных игроков внутри государственных институтов противоречат друг другу, а их отношения могут быть конкурентными.

Активисты могут использовать эти противоречия внутри государственных структур, а игроки со стороны государства — быть заинтересованы в сотрудниче-

стве с активистами для решения своих задач. С этой точки зрения логично рассматривать отдельных игроков «внутри» государственных институций не только как целевую аудиторию для деятельности общественных инициатив, но и как потенциальных союзников в рамках общественно-политических кампаний. Так, поддерживать активистские кампании могут мэры (Jasper et al., 2022), отдельные депутаты городских советов (Jabola-Carolus et al., 2020) или другие должностные лица, которые вместе с активистами будут добиваться изменений в городской политике, параллельно преследуя свои цели (улучшение шансов на следующих выборах для избираемых должностей, например, или повышение эффективности и легитимности принимаемых решений и политических мер). Кроме того, индивидуальные политические деятели также испытывают эмоции: например, симпатию и антипатию (к активистам, другим политическим игрокам), любовь к родному городу, локальную гордость, которые также могут мотивировать их поступать определенным образом.

Представители публичной власти (state actors) иногда вынуждены обратить внимание на общественные инициативы, численность и влияние которых на общественное мнение заметно возрастает, что делает их заметными игроками на политическом поле (Sterns, Almeida, 2004). Остальные участники политического процесса порой рассматривают взаимодействие и союзы с ними как способ максимизации собственного влияния и источник легитимности. В литературе такие конфигурации описаны как коалиции «публичные власти — социальное движение» (SASM: state actor-social movement coalitions, см., например: Clark, Dalmasso, 2015). Примечательно, что подобные коалиции имеют место и в демократических, и в режимах с ограниченной конкуренцией, однако политическая институциональная структура государства оказывает существенное влияние на то, какие именно государственные игроки и при каких условиях будут видеть пользу в таких союзах и готовы их заключать. Кроме того, как отмечает Х. Кризи, политический контекст может меняться и в краткосрочной перспективе, то есть условия, в которых игроки принимают решения, достаточно изменчивы и в демократических, и в более централизованных системах (Kriesi, 2015: 53).

Мы можем говорить о создании коалиции «публичные власти — социальное движение» в тех случаях, когда государственные деятели готовы предоставить свои организационные ресурсы и влияние таким образом, чтобы способствовать достижению целей, заданных общественным движением. Л. Стернс и П. Алмейда (2004) отмечают, что муниципальные органы власти чаще открыты к таким коалициям, чем национальные правительства. Причиной этому служит более непредсказуемый характер результатов местных выборов (Sterns, Almeida, 2004).

Отличительная особенность формирования подобных коалиций в том, что в нее могут входить так называемые институциональные активисты. К ним относятся участники общественного движения, которые одновременно занимают формальную позицию в правительстве и имеют доступ к достижению цели движения через бюрократические каналы. Помимо достижения целей движения и задач своих работодателей, такие игроки могут руководствоваться и персональными приори-

ритетами: желанием продвинуться по карьерной лестнице, повысить собственный статус в организации или в публичной сфере и так далее (Sterns, Almeida, 2004). Ниже мы рассмотрим на эмпирических примерах, какую роль такие активисты играют в российских городских конфликтах.

Привлечение на свою сторону представителей публичной власти или экономической элиты увеличивает шансы общественных движений на изменения, в том числе на уровне политического поля. Однако, несмотря на очевидные выгоды, которые общественные движения могут извлечь из альянсов с облеченными властью игроками, есть и обратная сторона.

Такая ситуация ставит перед общественными движениями ряд новых вопросов и дилемм, которые в литературе описываются под общим названием «дилемма сильного союзника» (powerful allies dilemma) (Jasper, 2004: 8). Риски, связанные с решением общественных движений вступить в коалицию с сильными игроками, в данном случае с представителями государственных институтов, заключаются в том, что взамен на дополнительные ресурсы и рычаги влияния такие союзники ожидают большей умеренности в требованиях движения и в его выборе тактики, а иногда и полностью подчиняют цели активистов своим задачам (Jasper, 2004: 8). Например, институциональные активисты вынуждены идти на компромиссы, если хотят сохранить свою влиятельную должность, политические партии могут навязывать движениям свои лозунги, а мэры и губернаторы требуют отказаться от определенных методов ведения кампаний, которые покажутся им слишком радикальными.

Большая часть исследований, посвященных особенностям альянсов общественных движений и представителей государственных органов, была проведена в демократических обществах. В более централизованных политических контекстах взаимодействие активистов и власти рассматривается чаще всего через призму кооптации, когда сотрудничество происходит на условиях демонстрации лояльности последних (Lorch, Bunk, 2017; Sika, 2019; Bederson, Semenov, 2021).

Существует сравнительно небольшой пул исследований, посвященных формированию коалиций в централизованных государствах вне механизма кооптации. В частности, в своей работе Дж. Кларк и Э. Далмассо показывают формирование альянсов между политическими партиями и общественными движениями в авторитарном Марокко (Clark, Dalmasso, 2015); они также призывают к исследованиям государств с ограниченной конкуренцией, поскольку причины, по которым государственные игроки идут на союзы с общественными движениями, а также их динамика, могут отличаться от демократических контекстов. В данной статье мы ставим задачу частично заполнить этот пробел и проанализировать возникновение коалиций чиновников и общественных инициатив в российских городах.

Взаимодействие чиновников и активистов в России

Для второй половины 2000-х годов в России характерно усиление политической и экономической централизации, в результате которой местная власть постепенно

теряла свою автономию. Централизация началась с отмены выборов глав региональных столиц; к концу 2010-х годов прямые выборы мэров оставались только в семи региональных столицах, а также в стоящих особняком городах регионального значения — Санкт-Петербурге и Москве. Затем отмена прямых выборов градоначальников коснулась и муниципалитетов поменьше. На губернаторов и мэров была возложена ответственность за обеспечение результатов выборов на местах (Гельман, Рыженков, 2010), что обусловило более настороженное отношение чиновников к проявлениям любой политической и социальной активности в городах. Отмена прямых выборов в сочетании с механизмами контроля «сверху», такими как возможность отправления мэра в отставку, необходимость соответствия критериям оценивания, риски уголовных преследований (Buckley et al., 2022), заметно снизили уровень респонсивности мэров и уменьшили стимулы для выстраивания диалога с горожанами.

Исследования контактов активистов и власти в российских городах показывают, что чиновники неохотно идут на взаимодействие, а активисты, в свою очередь, имеют большие претензии к уровню респонсивности представителей администрации (Климов, Климова, 2015). Несмотря на то что активисты часто имеют «установку на сотрудничество» (Паченков, Воронкова, 2021), чиновники обращают внимание в основном на конфликты с особенно заметным уровнем мобилизации и общественным резонансом. Однако даже в таких случаях кооперация между чиновниками и активистами затруднена (Шевцова, Бедерсон, 2017).

Начиная со второй половины 2010-х годов городские и региональные администрации активно используют инструменты «электронной демократии». Распространение механизмов обращения к чиновникам онлайн еще больше сократило для горожан возможности прямого контакта и обсуждения городских вопросов с представителями власти (Шиповалова, Чернышева, Гизатуллина, 2021). В 2021 году Минстрой РФ принял «Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды», который обязал власти всех уровней сотрудничать с горожанами в вопросах обустройства города. Однако, как показывает исследование Е. Цумаровой, это не улучшило качество взаимодействия чиновников и граждан. Такой опыт подкрепил недоверие горожан к муниципальным органам управления (Цумарова, 2022).

Другим фактором, осложняющим взаимодействие власти и активистов в конфликтах по поводу городских территорий, является приоритет застройщиков и девелоперов в городском развитии (Пустовойт, 2014; Тыканова, Хохлова, 2015; Ледяев, 2015). С одной стороны, поскольку успешность бизнеса строительных компаний напрямую зависит от местных и региональных властей, девелоперы крайне заинтересованы в сохранении рычагов влияния на градостроительные регуляции и обеспечение приоритетного доступа к городским землям. С другой стороны, региональные и местные власти рассматривают зависимость девелоперов как ресурс для политического подчинения строительного бизнеса, например, через включение его представителей в партию власти (Бедерсон, Шевцова, 2021). И это приводит к еще большему закреплению привилегий девелоперов в процессе городско-

го развития. Кроме того, существующие градостроительные нормы в сочетании с финансовыми и организационными ресурсами строительного бизнеса обеспечивают доминирование девелоперов в решении споров по поводу городских территорий (см., в частности, о взаимодействиях между ключевыми участниками градостроительной политики в крупных российских городах: Семенов, Гилева, 2022).

Наконец, появление централизованных масштабных проектов благоустройства территорий городов с использованием денег федерального государственного бюджета, несмотря на наличие обязательных консультаций с представителями общественности, также сокращает возможности полноценного взаимодействия чиновников с активистами. Осуществление федеральной программы по формированию комфортной городской среды, программ городских юбилеев или реконструкции общественных пространств на средства инфраструктурных бюджетных кредитов связано с многоуровневой структурой согласований, ответственностью мэров и губернаторов за реализацию программ перед вышестоящими властями и обязательствами по расходованию выделенных бюджетных средств. Это часто делает невозможным учет мнений местных сообществ в процессе реализации проектов, поскольку любое несогласие со стороны общественности в существующей системе управления может быть расценено чиновниками как препятствие в выполнении поставленных задач.

Однако анализ эмпирического материала показывает наличие ситуаций, когда губернаторы, вице-губернаторы и мэры, несмотря на описанные выше условия, вмешиваются в решение городского конфликта и даже поддерживают активистов. Далее в статье мы покажем причины возникновения альянсов между ключевыми представителями исполнительной власти и городскими активистами.

Данные и метод

В своем анализе мы будем опираться на эмпирические данные полуструктурированных интервью, полученных в ходе изучения градозащитных и экологических локальных конфликтов в крупных отечественных пяти городах-миллионниках: Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Нижнем Новгороде и Казани. В каждом городе нами были изучены по три случая городских конфликтов, которые возникали вокруг угроз историческому наследию, «зеленым зонам» и экологической сохранности территорий, а также по поводу возведения новой инфраструктуры (крупных дорожных магистралей и пр.). Согласно анализу А. Семенова (Семенов, 2019), данные направления являются одними из наиболее частых, которые выступают триггером протестной мобилизации горожан, а также лоббистов их интересов. Эмпирическое исследование было проведено с опорой на стратегическую интеракционную перспективу Дж. Джаспера и Я. Дайвендака, которая предполагает равноценное внимание ко всем вовлеченным участникам взаимодействия (не только представителям общественных движений) (Jasper, Duyvendak, 2015). Коллекция данных, таким образом, содержит интервью с активистами, политиками, чиновниками, представителями СМИ и другими участниками городских конфликтов.

В нашем распоряжении также находится пул экспертных интервью, посвященных городской политике и характеру гражданской активности в каждом из изучаемых пяти городов. В общей сложности были собраны 97 полуструктурированных и экспертных интервью. Внимание было направлено на завершённые градостроительные или экологические ситуации, поэтому в ходе интервью информанты ретроспективно восстанавливали и оценивали ход произошедших событий в период с 2012 по 2021 год. Информанты освещали развитие городских конфликтов, в которых они лично принимали участие, а также иные случаи, связанные с их кейсами или произошедшие в регионе их проживания.

Эмпирические материалы были подвергнуты открытому кодированию (проведен отбор случаев сотрудничества чиновников и представителей городских общественных движений), а также дальнейшей категоризации.

Причины возникновения коалиций между чиновниками и городскими общественными движениями

В эмпирической части мы продемонстрируем ключевые причины вовлечения чиновников в решение городских конфликтов на стороне активистов, опишем несколько причин, которые могут приводить к возникновению таких временных альянсов. В основном мы оставим за скобками более устойчивый во времени формат коалиции с участием институциональных активистов — кооптированных в структуры управления представителей гражданских инициатив, которые благодаря своему положению могут обеспечивать постоянный контакт чиновников с близкими им организациями общественных движений.

Выделенные нами причины включают ситуации, когда: 1) активисты принуждают чиновников обратить внимание на конфликт с помощью общественного резонанса; 2) активисты используют изменения в политической и экономической конъюнктуре; 3) чиновники вынуждены поддерживать требования активистов, опасаясь санкций со стороны федерального начальства; 4) чиновники используют разрешение городских конфликтов в рамках своих предвыборных кампаний; 5) представители разных ведомств используют городские конфликты для аппаратной борьбы; 6) активисты заручаются поддержкой высокопоставленных чиновников, апеллируя к их личным эмоциям и пристрастиям.

Каждую из причин мы проиллюстрируем случаями исследованных нами споров по поводу трансформации городской территории, где мы наблюдали комбинацию факторов, которые делают коалицию возможной и эффективной.

Общественный резонанс вокруг символически значимых объектов как инструмент давления

Когда под угрозой оказываются символически ценные объекты городской среды, активисты могут добиться широкого общественного резонанса, который вынудит

чиновников обратить внимание на их требования. Один из таких ярких случаев — защита здания подстанции, которая снабжала электричеством трамваи в годы Блокады Ленинграда («Блокадная подстанция»).

Конфликт развивался более трех лет и закончился весной 2016 года признанием подстанции объектом культурного наследия. Это остановило снос здания, на месте которого ЛСР (крупный петербургский застройщик) планировал построить апартаменты, сохранив лишь небольшую часть оригинальной стены подстанции. Решение о признании подстанции объектом культурного наследия принял соответствующий Совет при правительстве Санкт-Петербурга под руководством на тот момент вице-губернатора И. Албина.

Благодаря действиям градозащитников конфликт вокруг «Блокадной подстанции» оставался достаточно заметным в городской повестке начиная с конца 2012 года: активисты постоянно создавали новостные поводы в виде многочисленных публичных акций, в том числе приуроченных к символическим и праздничным датам. В поддержку подстанции выступили переживший Блокаду писатель Д. Гранин, режиссер А. Сокуров, а также многие ветераны Блокады. Активисты направляли обращения губернатору Петербурга (тогда Г. Полтавченко) и в городской комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП).

За это время активистам удалось не только привлечь внимание к защите подстанции, но и закрепить за ней историческую значимость для города. Например, одна из респонденток так оценила динамику действий защитников подстанции:

«...Конечно, у нас фон изменился, за эти два года или полтора, которые прошли между двумя экспертизами, уже это было не просто какое-то здание на Фонтанке, а это уже все знали, что блокадная подстанция» (И1, ж., активистка, СПб).

Но до осени 2015 года действия градозащитников не имели успеха: признать подстанцию памятником не удавалось.

Баланс сил изменился в пользу градозащитников осенью 2015 года, когда в ситуацию с внезапным подтоплением здания вмешался вице-губернатор Петербурга И. Албин и провел выездное совещание на затопленной подстанции. Резкий рост поддержки активистов со стороны администрации города некоторые местные СМИ связали с годом 70-летия Победы в Великой Отечественной войне (Зубов, 2015; Лиханова, 2016). Защита «Блокадной подстанции» действительно сильно резонировала с государственной символической политикой (Малинова, 2013). Таким образом, сочетание широкого общественного резонанса и актуальной политической линии привели к тому, что выступать против сохранения подстанции для чиновников стало рискованно:

«А поскольку блокада для нашего города — это такая тема почти священная и очень значимая, говорить о том, что в гробу я видал ваши блокадные подстанции, то так не скажешь» (И1, ж., активистка, СПб).

На одной из встреч с защитниками подстанции в феврале 2016 года Албин заявил, что все подстанции, которыми пользовались в годы Блокады, являются

объектами памяти, которые должны быть сохранены (Снопченко, 2016). А затем на заседании Совета по защите культурного наследия было принято решение включить в реестр памятников не только подстанцию на Фонтанке, вокруг которой разворачивались все события конфликта, но и еще три трамвайных подстанции, также использовавшихся в годы Блокады. Кроме того, администрация города взяла на себя обязательство вернуть девелоперу средства, вложенные в подготовительные работы на территории подстанции.

Таким образом, настойчивые действия градозащитников, усилившие общественный резонанс и символическую значимость «Блокадной подстанции», в сочетании с изменениями в политической повестке правительства (празднование 70-летия Победы) привели к тому, что для городских чиновников поддержка активистов стала более привлекательным шагом. Слова Албина на заседании Совета по защите культурного наследия подтверждают, что он рассматривал случай подстанции как важный медийный ресурс: *«Тема имеет социальное звучание, она дорога для ленинградцев, поэтому надо понимать, что каждые шаги в этом направлении необходимо максимально подсвечивать в публичной сфере»* (Зубов, 2015).

Изменение экономической и политической конъюнктуры

Чиновники могут вставать на сторону граждан, реагируя на изменения в расстановке политических и экономических сил внутри городских или региональных элит. Пример такого сценария — отмена в 2009 году проекта намыва Куйбышевского водохранилища президентом Республики Татарстан Р. Миннихановым. Проект был запущен в 2007 году, когда изменения в Водном кодексе позволили снять ограничения на намыв и застройку Куйбышевского водохранилища на р. Волге. Однако такая перспектива вызвала активный протест экологических активистов в Казани.

В 2009 году Минниханов отменил этот проект, и наши респонденты отмечают несколько причин такого исхода. Активисты использовали особенности исторического момента (попытка Татарстана выиграть право провести спортивное мегасобытие, международные летние студенческо-молодежные соревнования — Универсиаду). Кроме того, после кризиса 2008 года изменилась экономическая конъюнктура, и проект стал не выгоден застройщику.

Универсиада была важным имиджевым событием для Татарстана и лично для главы республики², и активисты пытались апеллировать к этому приоритету Минниханова:

«И мы лично в этом участвовали, что должен был быть запрет на эти намывы <...> Эти стройки под таким соусом преподнесли Минниханову: они портят

2. Президент Республики Татарстан Рустам Минниханов: Универсиада-2013 — самый серьезный вызов. URL: <https://www.kp.ru/daily/26103.4/2999533/> (дата доступа: 21.02.2023).

панораму Универсиады, вот этих всех больших собраний» (И2, ж., активистка, Казань)³.

Активисты задействовали в качестве аргумента имидж и вид города, которые могли быть искажены в случае реализации проекта застройки водохранилища.

Эксперты отмечают, что важную роль в отмене проекта сыграл экономический кризис, частью которого был кризис в сфере недвижимости и проблема с продажей уже построенных объектов. Тем не менее то, как президент Минниханов артикулировал причины отмены проекта, по словам одного из экспертов, совмещает и репутационные соображения, и рыночные:

«Просто продажи упали. Соответственно, все думали, что перед этим слоем снова потом намоют и снова поставят, то есть эти виды, которые они пытались продать дороже, не продавались. Собственно, поэтому Минниханов на каком-то закрытом совещании сказал, что мы остановим застройку, потому что это невыгодно меняет панораму города нашего, а нам нужно предстать в лучшем виде» (И2, ж., активистка, Казань).

Таким образом, целенаправленные действия активистов по фреймированию проекта как наносящего вред образу города, сыграли свою роль в сочетании с изменениями на рынке недвижимости: дали главе республики дополнительные аргументы в пользу отмены проекта.

Сильный «третий»: федеральные власти и локальные конфликты

Если описанные выше причины возникновения коалиций активистов и чиновников (использование общественного резонанса вокруг значимых объектов и апелляция к политическим приоритетам сильных игроков) могут встречаться в конкурентных политических режимах, предмет данного раздела является особенностью централизованных государств. В российских городах активисты научились использовать эту специфику российской политической системы: обращение к центру и привлечение на свою сторону крупных федеральных чиновников как способ контроля над действиями местных чиновников.

Один из таких ярких случаев имел место в той же Казани. Протестуя против засыпки берегов реки Волги в Октябрьском поселении недалеко от Казани, эко-активистка обратилась с жалобой лично к президенту В. Путину. Это действие не только способствовало приостановке проекта, но и стимулировало запуск программ по сохранению «зеленых зон» и благоустройству публичных пространств в Республике Татарстан. Как отметила в интервью сотрудница администрации президента РТ, тот факт, что активистка *«достучалась до ВВП (Владимира Путина. — Прим. авт.) со своим вскриком про Волгу»*, привел к *«угрожающему»* высказыванию Президента РФ на эту тему. Реагируя на это, власти региона не только отменили спорный проект, но и полностью поменяли свои приоритеты:

3. Универсиада 2011 года в Казани не состоялась, поскольку победила заявка соперника — китайского города Шэньчжэнь. Город Казань выиграл право проведения Универсиады в 2013 году.

«Тут же, в этот же день учредили пятилетку развития общественных пространств и водоохраных зон, назвали год в Татарстане именем охраны водоохраных зон. Приоритет, значит. И миллиарды потекли в парки, скверы, далее — везде. У нас очень всё “нос по ветру”, и приоритеты зависят очень от ветра» (И3, ж., чиновница, Казань).

Однако поддержка такого сильного союзника — одномоментное событие, которое, хотя и привело к желаемому результату, редко влияет на долгосрочные изменения в приоритетах местной политики. Так, вмешательство Президента РФ в этом конкретном случае не оградило от угроз историческому наследию или экологической безопасности в иных аналогичных случаях, произошедших в регионе.

Более долгосрочную перспективу имеет ответственность региональных чиновников перед федеральными властями за контроль над социальным напряжением в подотчетном городе или области. Региональные администрации предоставляют в Администрацию Президента отчетность, содержащую количество акций и иных форм протестной активности граждан. Наши эксперты отмечают, что при повышении уровня общественного недовольства чиновники испытывают санкции со стороны вышестоящего руководства.

Активисты учитывают это обстоятельство при формировании своей стратегии оспаривания городского пространства. В такой ситуации публичные акции становятся более эффективным тактическим выбором, чем «формальный» путь (обращения в различные инстанции). Один из нижегородских активистов так описывает эти преимущества:

«И везде я участвовал, и мой опыт говорит, что суды — они проигрываются, обращения в прокуратуру и различные органы — они тоже не в пользу жителей. Они могут как-то затормозить, но можно их выиграть, только если идет протестная кампания, проводятся митинги, пикеты и так далее. Вот это единственное, что влияет на мнение властей. Власти боятся огласки, вот такого негативного пиара своей деятельности. Вся эта информация идет в Москву в Администрацию Президента. И оттуда им уже стучат по шапке: “Что это у вас протестная активность повысилась в регионе?” И они вынуждены уже с этим разбираться» (И4, м., активист, НН).

Таким образом, масштабная и длительная протестная мобилизация горожан с использованием публичной политики может склонить чиновников, опасющихся санкций от федералов, в сторону сотрудничества и (частичного) удовлетворения требований активистов, а также предупреждения социальной напряженности в будущем.

Активисты могут использовать потенциальную угрозу протеста, чтобы вынудить местные власти пойти на обсуждение городских проектов с горожанами «превентивно». Таким образом, крупные федеральные игроки могут не включаться в конфликт, но сама угроза их участия будет рычагом в руках активистов. Интересный пример такой тактики — протесты против проекта пешеходизации улицы Ленина в Новосибирске. Городской эксперт так суммирует конфликт:

«[Мэр] Локоть с [вице-мэром] Терешковой перекрыли улицу Ленина несколько лет назад. <...> Мы провели городскую конференцию, на которой им объяснили: “Ребят, если вы будете так делать, то получите громадный протест”. С тех пор ни одного раза. Все очень просто. Еще раз, власть на самом деле боится людей» (И5, м., активист, Новосибирск).

В результате исполнительная власть инициировала встречи с горожанами, на которых были заслушаны их претензии. Также была запущена серия заседаний по партисипаторному проектированию будущего улицы, в которых приняли участие различные городские публики. По мнению городского эксперта, после такого яркого протестного эпизода чиновники в городе стали опасаться реализовывать крупные проекты без предварительного обсуждения с горожанами.

Таким образом, в условиях политической централизации в России федеральные чиновники и даже потенциальная угроза их вмешательства в местные конфликты становятся важным рычагом влияния для активистов. Они могут обращаться за помощью напрямую, как в случае в Казани, где активистка добилась комментария от Президента РФ, так и угрожать местным властям протестами, которые привлекут внимание федеральных начальников.

Электоральный цикл и конструирование политической репутации

Активисты могут стратегически задействовать тактику публичного протеста не только, чтобы привлечь внимание федерального центра, но и воспользоваться возможностями электорального цикла. По нашим данным, чаще всего мэры или губернаторы встают на сторону протестующих, если конфликт обостряется в предвыборный период.

Так, например, произошло со случаем угрозы застройки «зеленой» территории рядом с лицеем № 22 «Надежда Сибири» в Новосибирске, где строительная компания собиралась возвести восьмиэтажный бизнес-центр с подземной парковкой. Защитники территории около лицея, включая родителей обучающихся, подали иск в суд, чтобы оспорить строительство, однако суд проиграла. После чего мэр Новосибирска Анатолий Локоть инициировал апелляцию судебного решения от имени мэрии. В результате нескольких этапов судебных разбирательств территорию около лицея исключили из реестра участков для застройки.

Инициирование мэрией судебного разбирательства против застройщика происходило в 2019 году, когда должны были состояться очередные выборы мэра города. Как отмечают наши респонденты, желание мэра «переизбраться» было его ключевой мотивацией; «он хотел, чтоб в городе было тихо, красиво, спокойно» (И6, ж., депутат, Новосибирск; И7, ж., активистка, Новосибирск). Кроме того, конфликт касался социально важной темы, учеников лицея, на необходимости защиты безопасности которых настаивал мэр (Волкова, 2019). Данные обстоятельства можно трактовать как попытки кандидата поддержать свою политическую репутацию в предвыборный период.

Еще одна важная деталь в этой ситуации — роль предыдущего мэра Новосибирска, который выдал разрешение на строительство, в итоге оспоренное новым градоначальником Локтем. Противостояние с незримо присутствующим в конфликте предыдущим мэром давало Локтю дополнительные имиджевые очки накануне выборов. Кроме того, сама тематика конфликта (сохранение зеленых насаждений) резонировала с предвыборной повесткой мэра Локтя. Поддержка горожан против уплотнительной застройки «зеленой зоны» у лица могла позволить чиновнику укрепить свою политическую репутацию накануне выборов, что делало альянс с активистами привлекательной опцией.

Похожим образом вел себя кандидат в градоначальники Петербурга А. Беглов в 2021 году. Во время своей предвыборной кампании он вмешался в давний и противоречивый конфликт вокруг строительства храма в парке Малиновка, который продвигали предыдущий глава города Полтавченко и РПЦ. Беглов стремительно отменил непопулярное решение о строительстве храма, что было максимально использовано в предвыборной кампании как свидетельство способностей кандидата:

«Беглов приезжает в парк, говорит, что тут все замечательно, парк спасен, все вернуто, это я нарочно так говорю неправильно, в зону зеленых насаждений: “Я проект подготовил”. Двадцатого августа он сдает проект, двадцать второго на него поступает как бы юридическое заключение от юр. отдела Законодательного собрания, и все. А этот проект так и лежит в ЗакСе. <...> «Российская газета» пишет, что уже принят этот Закон, парк защищен, здесь у нас зеленая зона, все замечательно» (И8, ж., муницип. депутат, СПб).

Такое стремительное вмешательство накануне выборов резко контрастирует с управленческим стилем Беглова в обычное время: к требованиям горожан он, как правило, нечувствителен, а вот к претензиям РПЦ на территории и объектах гораздо более благосклонен (в частности, в ведении РПЦ при активной поддержке Беглова оказались квартиры на Октябрьской набережной, здание школы олимпийского резерва в Выборгском районе, второй этаж Благовещенской церкви на территории Александрo-Невской лавры и пр.).

«Предвыборные» альянсы чиновников и активистов — наиболее распространенный случай в нашей базе данных. Вступающие в новые должности чиновники, стремясь укрепить свою легитимность, также могут быть заинтересованы в поддержке активистов. Например, после вступления в должность новый министр обороны С. Шойгу отменил инициированный экс-министром А. Сердюковым на шумевший перенос Военно-медицинской академии из центра Санкт-Петербурга на его окраину.

Такие случаи поддержки активистов кандидатами на выборах или новыми чиновниками хотя и могут помочь активистам добиться своих целей (отмены проекта, например), имеют и ряд рисков. Чиновники и другие политические игроки могут присвоить успех себе, что невыгодно для репутации и эмоционального удовлетворения участников общественного движения. Например, информант из Ка-

зани, сотрудник администрации президента РТ, отмечает, что чиновники целенаправленно работают с тем, как исход конфликта будет представлен в публичном поле:

«Пишем о том, как мы много работаем, как мы создали, как власть поддержала, какое ЕдРО молодцо! <...> Социальная группа “власть” считает, что градозащитники, всякие там экологические активисты не вправе приписывать себе победы. Потому что все, что они делали, — это кричали. А работала вот эта вот разная группа ведомств. Она тоже провела большую общественную работу» (Из, ж., чиновница, Казань).

Символическое похищение успехов — довольно заметный сюжет в нашем эмпирическом материале. Активисты в таких случаях сталкиваются с дилеммой: помощь чиновников может быть существенным фактором в достижении успеха кампании, но дальнейшая судьба активистской группы, ее репутация и самоощущение страдают от атрибуции успеха исключительно чиновникам и политикам.

В период выборов альянсы с активистами — логичный шаг для кандидатов, желающих укрепить свою репутацию и повысить шансы занять желаемую должность. В таких случаях кандидаты максимизируют эффект своего поступка, целенаправленно работая с представлением их позитивного вмешательства в прессе. Для активистов такое поведение связано с рядом рисков: символическое похищение плодов их многолетнего труда, прочная ассоциация движения с определенными политическими силами могут иметь для них долгосрочные, но порой непредсказуемые последствия. Нужно также отметить, что такое вмешательство не всегда заканчивается успехом для активистов. Однако государственные игроки также иногда идут на издержки, принимая решение поддержать активистов: вступить в спор с главой региона или же отказать сильному игроку в лице РПЦ.

Использование конфликта для внутриэлитного соперничества

Участие государственных игроков в городском конфликте в альянсе с горожанами может послужить инструментом для аппаратной борьбы и попыток смещения чиновников-соперников. Государственные акторы могут использовать спорную ситуацию для дискредитации оппонента. В данной ситуации интересы активистов пересекаются с намерениями чиновников от исполнительной власти по устранению конкурентов, что приводит как к сохранению оспариваемых территорий, так и созданию для градозащитников или экоактивистов более благоприятных условий в будущем.

Например, в Татарстане в начале 2010-х годов протест против сноса объектов культурного наследия в центре Казани (номеров Банарцева и дома Потехина) совпал с вступлением в должность нового президента республики Минниханова. Как отмечают эксперты, новая администрация использовала протесты для смещения с должностей членов команды предыдущего президента республики М. Шаймиева. Одиночные пикеты защитников наследия проходили в январе 2011 года

перед зданием министерства культуры, которое возглавляла Зилия Валеева — член команды Шаймиева. Пикеты широко освещались в прессе и, по словам одного из наших респондентов,

«сыграла роль еще какая-то аппаратная игра; потому что Зилия Валеева — это человек Шаймиева, а президентом был Минниханов уже больше года. И мы заметили, что, я так почувствовал, что это было в интересах Минниханова, потому что эта волна критики Зили Валеевой за снос, она позволила ему через несколько месяцев ее убрать с поста министра культуры. <...> То есть я так понял, что в этот момент это совпало с интересами части татарстанской элиты, а тут еще градозащитники его какие-то искренние и честные» (И9, м., эксперт, Казань).

Для улучшения имиджа нового регионального главы Минниханова сыграла свою роль и кооптация ключевой активистки, выступавшей против разрушения номеров Банарцева и дома Потехина: через несколько месяцев после этого протестного эпизода О. Балтусова была приглашена и заняла должность государственного чиновника — помощника президента Республики Татарстан. Это создало интересную с точки зрения формирования коалиций чиновников и активистов ситуацию: активистка вошла в органы управления, сделав взаимодействие более стабильным, чем временные коалиции вокруг конкретных конфликтов. Однако такая кооптация ставит перед активистами — и перед чиновниками — ряд новых дилемм и сложных решений (например, активисты уже не так свободны в выборе тактик, должны идти на компромиссы, позволяя чиновниками присваивать успехи, а чиновникам сложнее игнорировать требования людей, которые теперь их коллеги и получают свои рычаги влияния).

Внутриэлитное соперничество открывает возможности для активистов привлечь в свой лагерь одну из сторон и в дальнейшем получить от такого сотрудничества определенные выгоды. Однако чиновники, находящиеся в ситуации конкуренции, не всегда готовы вступать в альянсы с активистами и таким образом выводить наличие внутриэлитного раскола в публичную плоскость, это, например, отмечают наши эксперты из Татарстана, где они указывают на скрытую напряженность между мэрией Казани и аппаратом республиканской власти (И9, м., эксперт, Казань). Другие же игроки, в том числе экоактивисты, защищающие рощу на ул. Гаврилова, не могут воспользоваться этим внутриэлитным разломом ввиду его непубличности и неготовности властных игроков к открытому противостоянию. В такой ситуации вся инициатива по формированию альянсов оказывается в руках чиновников.

Выше мы уже отмечали, что новые чиновники могут использовать заочное противостояние со своими предшественниками, чтобы завоевать в глазах горожан и активистов дополнительные очки. Такой случай мы наблюдали в Нижнем Новгороде, где мэр города В. Панов и губернатор области Г. Никитин, вступив в должности, резко поменяли политику в отношении охраны культурного наследия и начали активно налаживать диалог с градозащитниками в 2017 году (устраивались встречи и консультации с градозащитниками и экологами, был создан

Общественный совет, в который оказались включены активисты и городские эксперты, мэр и глава области принимали участие в акциях по благоустройству территорий и ремонту объектов деревянного зодчества).

На контрасте с предыдущим мэром Н. Сорокиным, который был аффилирован со строительным бизнесом и вместе с бывшим губернатором области В. Шанцевым уничтожал историческое деревянное зодчество в центре города, чтобы освободить место для нового высотного строительства, такие действия существенно укрепили поддержку нового руководства известными городскими активистами и организациями:

«Потом мэр [Панов. — Прим. авт.] приходил с нами убирать этот овраг, т. е. на субботник он с нами ходил. И когда он сказал, что застройка Почаинского оврага — это преступление против исторического облика Нижнего Новгорода — я подумала: “Чего? Это мэр может говорить? Я ослышалась. Не может такого быть!” <...> В общем, мы ходили, не веря в свое счастье, что пришел человек, который будет слушать хотя бы, не закроет дверь, не придет, не скажет, что сейчас здесь проедет бульдозер» (Ию, ж., эксперт, НН).

Несмотря на такое резкое изменение риторики, снос исторических объектов в городе не прекратился, хотя и происходит на фоне консультаций и совещаний с градозащитниками.

Случаев открытого противостояния внутри городских или региональных элит, в которых были бы задействованы городские активисты и их кампании, в нашей базе качественных интервью с участниками городских споров и экспертами не так много. Описанные выше случаи носят либо скрытый характер, либо связаны с попытками новых чиновников укрепиться на должности с помощью выгодного контраста со своими предшественниками. В таком скрытом виде активистам сложно стратегически использовать расколы и конфликты между ведомствами и отдельными чиновниками, оставляя инициативу в руках последних.

Личные симпатии и эмоции

Исследователи политики часто забывают о том, что государственные деятели и политические фигуры — тоже люди, которые могут испытывать эмоции и иметь личные пристрастия. Тем не менее нередко именно личные особенности политических игроков помогают им принять то или иное решение — часто в совокупности с другими факторами.

В наших данных мы обнаружили несколько примеров, когда респонденты объясняли поддержку, которую оказали чиновники активистам, именно личными чувствами и симпатиями. С этой точки зрения показателен пример защиты от демонтажа Шуховской башни в Москве. Тогдашний мэр Юрий Лужков, по мнению нашего информанта, участника движения за сохранение башни, имел личный интерес к наследию Шухова, что обусловило его вмешательство в конфликт на стороне градозащитников. Нужно отметить, что, как и в большинстве случаев,

описанных выше, инициатива привлечь мэра в качестве сторонника исходила от активистов, которые написали на имя Лужкова обращение в мэрию Москвы:

«После этого удалось все всколыхнуть. Лужков к шуховскому наследию относился хорошо очень. Был фанатом Шухова, как вообще инженера. Поэтому там все было достаточно легко. Но, к сожалению, власть сменилась, и, в общем, все опять затихло» (И11, м., активист, Москва).

В приведенной цитате мы также видим риски такого индивидуализированного контакта: как только руководство меняется, вместе с лично заинтересованным чиновником уходит и поддержка. С приходом нового градоначальника, Сергея Собянина, угроза демонтажа башни возникла снова: владелец Шуховской башни, Министерство связи, запланировало разбор башни и перенос ее в другое место. Между тем ввиду ветхости строения такая перспектива могла грозить башне частичным разрушением (чего, однако, в 2014 году удалось избежать по итогам оспаривания проекта демонтажа башни усилиями активистов и городских экспертов).

Другой случай, который иллюстрирует потенциал личных предпочтений чиновников, связан с угрозой застройки Горкинско-Ометьевского леса на периферии г. Казани, где в 2015 году были запланированы прокладка дороги и возведение нескольких зданий. Лес имел большое значение для местных жителей и спортсменов-лыжников, которые начали кампанию за его спасение. Один из активистов в интервью рассказал, что на встрече мэра Казани И. Метшина с его заместителями, проходившей в здании на территории леса, на которой также присутствовали активисты, чиновники единогласно высказывали одобрение проекта застройки леса. В ходе встречи мэр неожиданно переменял свое отношение и отменил решение о строительстве дороги:

«А мэр, вообще у него там семья периодически на лыжах катается, оказывается. В какой-то момент мэр, раз, такой, затих: “Чего-то здесь тихо так, это хорошо так, ощущения города то есть нету здесь”. Это выходные были, движение на дорогах не сильное. Действительно, там освещение такое, нет освещения. Создавалось впечатление — слева лес, справа лес. Такое ощущение пригорода. И так я не знаю: то ли его решение [было принято] заранее, или что, или это была его импровизация? “Ну всё, — говорит, — передаем, будет у нас здесь парк”» (И12, м., активист, Казань).

По описанию ситуации сложно сделать однозначный вывод: принял ли мэр решение на месте под воздействием атмосферы леса, или разыграл заранее подготовленный ход, но его личные чувства в данном случае стали аргументом в пользу удивившего участников встречи решения.

Для активистов определение таких личных предпочтений и пристрастий потенциальных сильных союзников может быть важной стратегической задачей: так они могут решить, на кого направить свои усилия. С другой стороны, персонализированная поддержка менее устойчива: со сменой руководства активисты могут лишиться этого ресурса.

Выводы и дискуссия

Социальные ученые изучают принципы и причины формирования альянсов между акторами, наделенными властью, и активистами, преимущественно в государстве с демократическим политическим режимом. Наше исследование, в свою очередь, делает вклад в научную дискуссию о причинах и стратегических соображениях чиновников, готовых вступить в подобные коалиции в централизованном политическом контексте. В данной статье мы предприняли попытку проанализировать причины, по которым представители исполнительной власти регионального и городского уровней поддерживают активистов в городских конфликтах в пяти российских городах-миллионниках. Мы осознанно сфокусировали свой взгляд на участии чиновников-исполнителей, нежели депутатов, поскольку первые имеют меньше очевидных стимулов вмешиваться в городские споры на стороне горожан, а также ввиду того, что такое вовлечение может нести им потенциальные репутационные и прочие риски. Мы также ограничили наш интерес изучением кратковременных альянсов государственных акторов и участников городских споров, оставив за скобками случаи долговременных коалиций по типу кооптации активистов во властные структуры.

Мы не всегда с большой долей определенности можем подтвердить причины поддержки чиновниками той или иной стороны городского конфликта — это важное ограничение проделанной нами работы. Принятие решений государственными деятелями происходит в недоступных для непосредственного наблюдения исследователями контекстах. Однако опираясь на материалы полуструктурированных интервью с экспертами, депутатами, чиновниками и активистами-участниками или свидетелями городских конфликтов, а также вторичные данные, мы предприняли попытку реконструкции логики формирования альянсов чиновников и горожан.

В результате мы сформулировали шесть причин, при которых чиновники демонстрируют готовность сотрудничества с активистами: (1) общественный резонанс, созданный активистами вокруг символически значимого объекта; (2) изменения в экономической и политической конъюнктуре, когда происходит уменьшение значимости предмета конфликта для представителей власти и экономических игроков; (3) угроза санкций или непосредственное вмешательство со стороны федеральных чиновников; (4) близость выборов и/или необходимость поддержать политическую репутацию; (5) внутриэлитное соперничество и использование городских конфликтов для аппаратной борьбы; (6) эмоции и симпатии представителей исполнительной власти, которые позволяют им солидаризироваться с требованиями активистов. Ряд случаев градостроительных конфликтов, в которых публичные власти поддержали горожан, мы не смогли связать ни с одной выделенной нами причиной (например, защита дома Прошиных в Москве). Можно предположить, что при отсутствии какого-либо собственного интереса чиновники способны выполнять роль независимого арбитра. Следует подчеркнуть, что при ротации кадров принципы действия предыдущих чиновников

не «наследуются» последующими, а активисты могут потерять наработанные каналы позитивного взаимодействия с государственными деятелями. Как правило, выступление чиновников на стороне активистов в одном типе конфликта не гарантирует такого сотрудничества в других таких же случаях. Также надо заметить, что властные игроки редко руководствуются аффективным характером принятия решений (личными эмоциями и пристрастиями), готовность чиновников от исполнительной власти занять сторону активистов имеет преимущественно инструментальный и прагматический характер.

Нельзя однозначно сказать, какой набор характеристик конфликтов или стратегий, используемых активистами, сопровождает создание временных коалиций представителей исполнительной власти и активистов. Однако в значительной части проанализированных конфликтов усилия активистов по формированию повестки, которая резонировала бы с повесткой городских властей, сыграли значимую роль (см., например: Amenta, 2006). Так фокусирование активистами внимания на символической значимости «Блокадной подстанции» подготовило почву для вмешательства вице-губернатора Петербурга. А акцент на том, что намывы в Куйбышевском водохранилище портят панораму Казани в преддверии возможной Универсиады, среди прочего привел к тому, что президент Татарстана принял решение об отмене намыва. Активные действия по защите исторического наследия активистами в Нижнем Новгороде сделали возможным использование этого сюжета для формирования имиджа вновь пришедшей команды губернатора Никитина.

Часть выделенных нами причин поддержки активистов представителями исполнительной власти в российских городах очень похожи на те, что мы можем встретить в демократических обществах. Например, близость выборов (Andrews, 2004), внутриэлитная борьба или эмоции по отношению к происходящему (Duynendak, Jasper, 2015) и в демократиях имеют значение для создания союзов между властью и активистами. Однако в российском контексте в условиях политической централизации, очевидно, большее значение имеют те причины, которые связаны с вмешательством федеральных игроков, например, президента или министра, или необходимостью исполнения федеральных политических курсов, например, федеральных программ благоустройства. И в этом смысле обращения активистов к федеральным властям, появление рисков наказания городских и региональных руководителей «сверху», а также резонанс действий активистов с идеями федеральных проектов (например, идеей развития общественных пространств) повышают шансы на поддержку активистов со стороны городских и региональных властей в спорах по поводу трансформаций городских территорий.

Литература

Волкова Е. (2019). Строительство бизнес-центра около лицея № 22 в Новосибирске остановлено. URL: https://nsk.aif.ru/society/stroitelstvo_biznes-centra_oko_lo_liceya_22_v_novosibirske_ostanovleno (дата доступа: 21.02.2023).

- Гельман В. Я., Рыженков С. И. (2010). Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 6. № 4. С. 130–151.
- Гладарев Б. (2011). Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общест-венности из духа города // От общественного к публичному / О. Хархордин (ред.). СПб.: Издательство ЕУСПб. С. 71–304.
- Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2019). Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального акти-визма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 1. С. 162–192.
- Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2021). «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодей-ствий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Мо-сквы) // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 205–222.
- Зубов И. (2015). Блокадная подстанция: память или градостроительная ошиб-ка? URL: <https://ok-inform.ru/stroitelstvo/47504-blokadnaya-podstantsiya-ramyat-ili-gradostroitel'naya-oshibka.html> (дата доступа: 21.02.2023).
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. (2010). От обывателей к активистам: зарожда-ющиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата.
- Климова С. Г., Климов И. А. (2015). Взаимодействие горожан с властью: компетент-ное участие и проблема посредников // Социологические исследования. № 4. С. 51–57.
- Ледяев В. Г. (2015). Опыт изучения власти в городских сообществах: Российская проекция // Власть и Элиты. № 2. С. 301–325.
- Лиханова Т. (2016). Диверсанты на линии обороны. URL: <https://novayagazeta.spb.ru/articles/10209/> (дата доступа: 21.02.2023).
- Малинова О. Ю. (2013). Политическое использование символа Великой Отече-ственной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век. № 1. С. 158–186.
- Медведев И. Р. (2017). Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа.
- Мельникова Л. (2023). Ростовские власти обжалуют требование отремонтиро-вать теплотрассы. <https://www.nvgazeta.ru/news/12376/614829/> (дата доступа: 21.02.2023).
- Паченков О. В., Воронкова Л. В. (2021). «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал исследований социальной политики. Т. 19. № 2. С. 253–268.
- Пустовойт Ю. А. (2014). Городские политические режимы: Координация внутри-элитного взаимодействия в крупных индустриальных городах // Государствен-ное управление. Электронный вестник. № 46. С. 85–106.
- Самсонова Е. (2022). Городские власти поддержат застройщиков в решении акту-альных вопросов. URL: <https://xn--80acgfbsliazdq.xn--p1ai/news/87237-gorodsk-ie-vlasti-podderzhat-zastroyshchikov-v-reshenii-aktualnykh-voprosov> (дата досту-па: 21.02.2023).

- Семенов А. В. (2019). Корни травы: Паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. № 12. С. 29–37.
- Семенов А. В., Гилева А. И. (2022). Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма // Экономическая социология. Т. 23. № 4. С. 73–95.
- Семенов А. В., Минаева Э. Ю. (2021). Количественный анализ эпизодов городских конфликтов в России // Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / Е. В. Тыканова (ред.). М.; СПб.: ФНИСЦ РАН. С. 13–39.
- Снопченко И. (2016). На встрече с градозащитниками Албин заявил о ценности блокадных подстанций. URL: <https://topdialog.ru/2016/02/19/na-vstreche-s-gradozashhitnikami-vice-gubernator-zayavil-o-cennosti-blokadnyx-podstancij/> (дата доступа: 21.02.2023).
- Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2014). Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. № 2. С. 104–122.
- Тыканова Е. В., Хохлова А. М. (2015). Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 2. С. 241–256.
- Цумарова Е. Ю. (2021). Парадокс общественного участия в программах благоустройства: вовлеченность растет, доверие снижается // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 24. № 4. С. 221–248.
- Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. (2017). «У власти точка зрения — молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // Политическая наука. № 4. С. 111–136.
- Шиповалова Л. В., Чернышева Л. А., Гизатуллина Э. Г. (2021). Цифровые технологии управления в действии, или Об активности граждан вокруг платформы «Активный гражданин» // Социология науки и технологий. Т. 12. № 1. С. 71–87.
- Andrews K. T. (2004). Freedom is a constant struggle: The Mississippi civil rights movement and its legacy. Chicago: University of Chicago Press.
- Amenta E. (2006). When movements matter: The Townsend plan and the rise of social security. Princeton University Press.
- Bederson V., Semenov A. (2021). Political foundations of state support for civil society: analysis of the distribution of presidential grants in Russia // Post-Soviet Affairs. Vol. 37. № 6. P. 544–558.
- Brooker M. E., Meyer D. S. (2018). Coalitions and the Organization of Collective Action // The Wiley Blackwell Companion to Social Movements / D. A. Snow, S. A. Soule, H. Kriesi, H. J. McCammon (ed.). Oxford: John Wiley & Sons Ltd. Published. P. 252–268.
- Buckley N., Reuter O. J., Rochlitz M., Aisin A. (2022). Staying Out of Trouble: Criminal Cases Against Russian Mayors // Comparative Political Studies. Vol. 55. № 9. P. 1539–1568.
- Clark J. A., Dalmasso E. (2015). State Actor-Social Movement Coalitions and Policy-Making Under Authoritarianism: The Moroccan Party of Justice and Development in the Urban Municipality of Kenitra // Middle East Law and Governance. Vol. 7. № 2. P. 185–211.

- Diani M.* (2015). *The Cement of Civil Society. Studying Networks in Localities.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Duyvendak J. W., Jasper J. M.* (2015). *Breaking Down the State: Protestors Engaged.* Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Isaac J.-C., Elliott-Negri L., Jasper J. M., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A.* (2020). Strategic Interaction Sequences: The Institutionalization of Participatory Budgeting// *New York City Social Movement Studies.* Vol. 19. № 5–6. P. 640–656
- Jasper J.* (2004). A Strategic Approach to Collective Action: Looking for Agency in Social-Movement Choices// *Mobilization: An International Quarterly.* Vol. 9. № 1. P. 1–16.
- Jasper J. M.* (2008). *Getting Your Way.* Chicago: University of Chicago Press.
- Jasper J. M., Duyvendak J. W.* (eds.) (2015). *Players and Arenas. The Interactive Dynamics of Protest.* Amsterdam: Amsterdam University Press
- Jasper J. M., Elliott-Negri L., Jabola-Carolus I., Kagan M., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A.* (2022). *Gains and Losses: How Protestors Win and Lose.* Oxford: Oxford University Press.
- Kriesi H.* (2015). Alliance Structures// *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis*/ H. Kriesi, R. Koopmans, J. W. Duyvendak, M. G. Giugni (ed.). London: Routledge.
- McCammon H. J., Moon M.* (2014). Social Movement Coalitions// *The Oxford Handbook of Social Movements*/ D. Della Porta, M. Diani (ed.). Oxford: Oxford University Press. P. 326–339.
- Portos M., Carvalho T.* (2022). Alliance Building and Eventful Protests: Comparing Spanish and Portuguese Trajectories Under the Great Recession// *Social Movement Studies.* Vol. 21. № 1–2. P. 42–61.
- Stearns L. B., Almeida P. D.* (2004). The Formation of State Actor-Social Movement Coalitions and Favorable Policy Outcomes// *Social Problems.* Vol. 51. № 4. P. 478–504.
- Sika N.* (2019). Repression, cooptation, and movement fragmentation in authoritarian regimes: Evidence from the youth movement in Egypt// *Political Studies.* Vol. 67. № 3. P. 676–692.
- Scott J. C.* (1998). *Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed.* Yale: Yale University Press.
- Van Dyke N., Amos B.* (2017). Social Movement Coalitions: Formation, Longevity, and Success// *Sociology Compass.* Vol. 11. № 7. P. 1–17.

Alliances between Authorities and Activists in Urban Local Conflicts

Elena Tykanova

Candidate of Science (Sociology), Head of Urban Studies Department, Senior Research Fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS — Branch of FCTAS RAS).

Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 25/14, Saint-Petersburg, 190005 Russian Federation
E-mail: elenatykanova@gmail.com

Irina Shevtsova

Candidate of Political Science, Associate Professor at the Department of Political Science and International Affairs, HSE University, St. Petersburg,
Senior Research Fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS — Branch of FCTAS RAS).
Address: Soyuza Pechatnikov str., 16, Saint-Petersburg, 190121 Russian Federation
E-mail: ishevtsova@hse.ru

Anna Zhelnina

Candidate of Science (Sociology), PhD in Sociology, Independent Researcher
Address: Prosp. Korolyova, 24, Saint Petersburg, 197349 Russian Federation
E-mail: azhelnina@gmail.com

Cooperation between public authorities and activists is a well-studied issue in social movement research. However, the authorities are often considered monolithic and analyzed as targets of activists' actions affecting urban conflict outcomes. Meanwhile, various representatives of public authorities demonstrate their own interests in urban disputes and different levels of engagement in resolving conflicts. An evaluation of the database concerning dynamics of urban conflicts in Russian million cities shows rare attempts to resolve conflicts by core executives, such as mayors, governors, and deputy governors, compared to city and regional council members. Based on the sociological tradition of studying social movement coalitions (Van Dyke; Diani; Sterns and Almeida; Jasper and Duyvendak) this article examines the reasons why core executives make the decision to support activists in urban conflicts in the context of a noncompetitive regime. The research is based on 97 semi-structured interviews with participants in urban and ecological conflicts as well as experts in five Russian million cities (Moscow, Saint-Petersburg, Novosibirsk, Nizhniy Novgorod, Kazan). Cases of core executives' engagement are explored as examples of state actor-social movement coalitions where officials provide their organizational resources and leverage to contribute to social movement goals. We identify six reasons why core executives make the decision to support activists in urban conflicts: 1) public resonance created by urban activists around a symbolically significant object; 2) changes in economic and political structural conditions; 3) the potential risk of sanctions from or direct interference by federal officials; 4) the proximity of elections and the need to maintain public reputation; 5) the exploitation of urban conflicts in order to win in intra-elite competition; 6) the emotions of core executives allowing them to align themselves with urban activists.

Keywords: urban local conflict, activists, public authorities, coalitions

References

- Amenta E. (2006) *When movements matter: The Townsend plan and the rise of social security*, Princeton: Princeton University Press.
- Andrews K. T. (2004) *Freedom is a constant struggle: The Mississippi civil rights movement and its legacy*, Chicago: University of Chicago Press.
- Bederson V., Semenov A. (2021) Political foundations of state support for civil society: analysis of the distribution of presidential grants in Russia. *Post-Soviet Affairs*, vol. 37, no 6, pp. 544–558.
- Brooker M. E., Meyer D. S. (2018) Coalitions and the organization of collective action. *The Wiley Blackwell companion to social movements* (D. A. Snow, S. A. Soule, H. Kriesi, H. J. McCammon eds.), Oxford: John Wiley & Sons Ltd. Published, pp. 252–268.

- Buckley N., Reuter O. J., Rochlitz M., Aisin A. (2022) Staying out of trouble: Criminal cases against Russian mayors. *Comparative Political Studies*, vol. 55, no 9, pp. 1539–1568.
- Clark J. A., Dalmasso E. (2015) State actor-social movement coalitions and policy-making under authoritarianism: The Moroccan Party of Justice and development in the urban municipality of Kenitra. *Middle East Law and Governance*, vol. 7, no 2, pp. 185–211.
- Diani M. (2015) *The cement of civil society. Studying networks in localities*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Duyvendak J. W., Jasper J. M. (2015) *Breaking down the state: Protestors engaged*, Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Gel'man V. Ya., Ryzhenkov S. I. (2010) Lokal'nyye rezhimy, gorodskoye upravleniye i «vertikal' vlasti» v sovremennoy Rossii [Local Regimes, Urban Governance and the “Vertical of Power” in Modern Russia]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, vol. 6, no 4, pp. 130–151. (In Russian)
- Gladarev B. (2011) Istoriko-kul'turnoye naslediyе Peterburga: rozhdeniye obshchestvennosti iz dukha goroda [Historical and Cultural Heritage of St. Petersburg: the Birth of the Public From the Spirit of the City] (O. Kharkhordin ed.) *Ot obshchestvennogo k publichnomu* [From Public to Publicity], Saint-Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb, pp. 71–304. (In Russian)
- Isaac J.-C., Elliott-Negri L., Jasper J. M., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A. (2020) Strategic Interaction Sequences: The Institutionalization of Participatory Budgeting. *New York City Social Movement Studies*, vol. 19, no 5–6, pp. 640–656.
- Jasper J. (2004) A strategic approach to collective action: Looking for agency in social-movement choices. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 9, no 1, pp. 1–16.
- Jasper J. M. (2008) *Getting your way*, Chicago: University of Chicago Press.
- Jasper J. M., Duyvendak J. W. (2015) (ed.) *Players and Arenas. The Interactive Dynamics of Protest*, Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Jasper J. M., Elliott-Negri L., Jabola-Carolus I., Kagan M., Mahlbacher J., Weisskircher M., Zhelnina A. (2022) *Gains and Losses: How Protestors Win and Lose*, Oxford: Oxford University Press.
- Kleman K., Miryasova O., Demidov A. (2010) *Ot obyvateley k aktivistam: zarozhdayushchiyesya sotsial'nyye dvizheniya v sovremennoy Rossii* [From Philistines to Activists: Emerging Social Movements in Contemporary Russia], Moscow: Tri kvadrata. (In Russian)
- Klimova S. G., Klimov I. A. (2015) Vzaimodeystviye gorozhan s vlast'yu: kompetentnoye uchastiye i problema posrednikov [Interaction of Citizens with Authorities: Competent Participation and the Problem of Intermediaries]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no 4, pp. 51–57.
- Kriesi H. (2015) Alliance Structures. *New social movements in Western Europe: A comparative analysis* (eds. H. Kriesi, R. Koopmans, J. W. Duyvendak, M. G. Giugni), London: Routledge.
- Ledyayev V. G. (2015) Opyt izucheniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh: Rossiyskaya proyektziya [The Experience of Studying Power in Urban Communities: The Russian Projection]. *Vlast' i Elity*, no 2, pp. 301–325. (In Russian)

- Likhanova T. (2016) *Diversanty na linii oborony* [Saboteurs on the Defensive Line]. Available at: <https://novayagazeta.spb.ru/articles/10209/> (accessed: 21 February 2023). (In Russian)
- Malinova O. Yu. (2013) Politicheskoye ispol'zovaniye simvola Velikoy Otechestvennoy voyny v postsovetsoy Rossii: Evolyutsiya diskursa vlastvuyushchey elity [Political Use of the Symbol of the Great Patriotic War in Post-Soviet Russia: Evolution of the Discourse of the Power Elites]. *Proshlyy vek*, no 1, pp. 158–186. (In Russian)
- McCammon H. J., Moon M. (2014) Social Movement Coalitions. *The Oxford Handbook of Social Movements* (eds. D. Della Porta, M. Diani), Oxford: Oxford University Press, pp. 326–339.
- Medvedev I. R. (2017) *Razresheniye gorodskikh konfliktov* [Resolution of Urban Conflicts], Moscow: Infotropik Media. (In Russian)
- Mel'nikova L. (2023) *Rostovskiy vlasti obzhaluyut trebovaniye otremonirovat' teplotrassy* [Rostov Authorities Will Appeal Against the Requirement to Repair Heating Mains]. Available at: <https://xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/news/87237-gorodskie-vlasti-podderzhat-zastroyshchikov-v-reshenii-aktualnykh-voprosov> (accessed: 21 February 2023). (In Russian)
- Pachenkov O. V., Voronkova L. V. (2021) «Novyy gorodskoy aktivizm» i «publichnaya politika» v Rossii (sluchay Sankt-Peterburga) ['New Urban Activism' and 'Public Policy' in Russia (Case of Saint Petersburg)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 19, no 2, pp. 253–268. (In Russian)
- Portos M., Carvalho T. (2022) Alliance building and eventful protests: Comparing Spanish and Portuguese trajectories under the Great Recession. *Social Movement Studies*, vol. 21, no 1–2, pp. 42–61.
- Pustovoyt Yu. A. (2014) Gorodskiy politicheskiy rezhim: Koordinatsiya vnutrielitnogo sotrudnichestva v krupnykh promyshlennykh tsentrakh [Urban Political Regimes: The Coordination of Intra-Elite Interactions in Industrial Cities]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy Vestnik*, no 46, pp. 85–106. (In Russian)
- Samsonova Ye. (2022) *Gorodskiy vlasti podderzhat zastroyschikov v reshenii aktual'nykh voprosov* [City Authorities Will Support Developers In Solving Urgent Issues]. Available at: <https://xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/news/87237-gorodskie-vlasti-podderzhat-zastroyshchikov-v-reshenii-aktualnykh-voprosov> (accessed: 21 February 2023). (In Russian)
- Semenov A. V. (2019) Korny travy: zakonomernosti nizovoy gorodskoy mobilizatsii v Rossii [The Roots of the Grass: Patterns of Grassroots Urban Mobilization in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no 12, pp. 29–37. (In Russian)
- Semenov A. V., Gileva A. I. (2022) Rossiyskiye instrumenty gorodskogo planirovaniya v perspektive sotsiologicheskogo institutsionalizma [Russian Instruments of Urban Planning from the Sociological Institutionalism Perspective]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 73–95. (In Russian)
- Semenov A. V., Minayeva E. Yu. (2021) Kolichestvennyy analiz epizodov gorodskikh konfliktov v Rossii [Quantitative analysis of episodes of urban conflicts in Russia]

- Goroda raskhodyashchikhsya ulits: trayektorii razvitiya gorodskikh konfliktov v Rossii* (E. V. Tykanova ed.), Moscow; St. Petersburg: FCTAS RAS, pp. 13–39. (In Russian)
- Shevtsova I. K., Bederson V. D. (2017) “U vlasti tochka zreniya-molchaniye”: vzaimod-eystviye initsiativnykh grupp i organov mestnoy vlasti v politike gorodskogo planirovaniya [«Authorities’ Point of View is to Keep a Silence»: Interaction of Initiative Groups and Local Authorities in the Urban Planning Policy]. *Politicheskaya nauka*, no 4, pp. 111–136. (In Russian)
- Shipovalova L. V., Chernysheva L. A., Gizatullina E. G. (2021) Tsifrovyye tekhnologii upravleniya v deystvii, ili aktivnost’ vokrug platformy «Aktivnyy grazhdanin» [Digital Governance Technologies in Action, or On the Activity of Citizens around the Platform “Active Citizen”]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, vol. 12, no 1, pp. 71–87. (In Russian)
- Sika N. (2019) Repression, cooptation, and movement fragmentation in authoritarian regimes: Evidence from the youth movement in Egypt. *Political Studies*, vol. 67, no 3, pp. 676–692.
- Scott J. C. (1998) *Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed*, Yale: Yale University Press.
- Snopchenko I. (2016) *Na vstreche s gradozashchitnikami Albin zayavil o tsennosti blokadnykh podstantsiy* [At a Meeting With City Defenders, Albin Announced the Value of Vlockade Substations]. Available at: <https://topdialog.ru/2016/02/19/na-vstreche-s-gradozashchitnikami-vice-gubernator-zayavil-o-cennosti-blokadnyx-podstancij/> (accessed: 21 February 2023). (In Russian)
- Stearns L. B., Almeida P. D. (2004) The formation of state actor-social movement coalitions and favorable policy outcomes. *Social Problems*, vol. 51, no 4, pp. 478–504.
- Tsumarova Ye. Yu. (2021) Paradoks obshchestvennogo uchastiya v programmakh blagoustroystva: zavershennost’ razvitiya, doveriyе snizhayetsya [The Paradox of Public Participation in “Comfortable City Environment” Programs: Engagement Increased, Trust Declined]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii*, vol. 24, no 4, pp. 221–248. (In Russian)
- Tykanova Ye. V., Khokhlova A. M. (2014) Trayektorii samoorganizatsii lokal’nykh soobshchestv v osparivanii gorodskikh prostranstv [Trajectories of Self-Organization of Local Communities in Situations of Contesting Urban Space]. *Sotsiologiya vlasti*, no 2, pp. 104–122. (In Russian)
- Tykanova Ye. V., Khokhlova A. M. (2015) Gorodskoy politicheskiy rezhim v Sankt-Peterburge: rol’ real’nykh i voobrazhayemykh «mashin rosta» v bor’be za gorodskoye prostranstvo [Urban political regime in St. Petersburg: the role of real and imagined “growth machines” in the struggle for urban space]. *Zhurnal issledovaniy sotsial’noy politiki*, vol. 13, no 2, pp. 241–256. (In Russian)
- Van Dyke N., Amos B. (2017) Social movement coalitions: Formation, longevity, and success. *Sociology Compass*, vol. 11, no 7, pp. 1–17.
- Volkova Ye. (2019) *Stroitel’stvo biznes-tsentra okolo litseya №22 v Novosibirskе ostanovleno* [The Construction of a Business Center Near Lyceum No. 22 in Novosibirsk Has Been

- Stopped]. Available at: https://nsk.aif.ru/society/stroitelstvo_biznes-centra_okolo_liceya_22_v_novosibirske_ostanovleno (accessed: 21 February 2023). (In Russian)
- Zhel'nina A. A., Tykanova Ye. V. (2019) Formal'nyye i neformal'nyye grazhdanskiye infrastruktury: sovremennyye issledovaniya gorodskogo lokal'nogo aktivizma v Rossii [Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 22, no 1, pp. 162–192. (In Russian)
- Zhel'nina A. A., Tykanova Ye. V. (2021) «Igroki» na «arenakh»: analiz vzaimodeystviy v gorodskikh lokal'nykh konfliktakh (sluchay Sankt-Peterburga i Moskvy) ['Players' in 'Arenas': A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 19, no 2, pp. 205–222. (In Russian)
- Zubov I. (2015) *Blokadnaya podstantsiya: pamyat' ili gradostroitel'naya oshibka?* [Blockade Substation: Memory or Town-Planning Mistake?]. Available at: <https://ok-inform.ru/stroitelstvo/47504-blokadnaya-podstantsiya-pamyat-ili-gradostroitel'naya-oshibka.html> (accessed: 21 February 2023). (In Russian)